

Е. В. Кардашова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Обыденный дискурс как предмет научного осмысления

Кардашова О. В. Буденный дискурс як предмет наукового осмислення. Публікацію присвячено проблемі розмежування різних дискурсивних форматів та пошуку засад для виокремлення буденного дискурсу у якості самостійного дискурсивного формату. У статті розглянуто уявлення про дискурс як лінійну структуру / лінійний процес і послідовно проаналізовано параметри, що організують цілісність таких феноменів: єдність витворців дискурсу, єдність місця та часу, тема дискурсу, суперструктура дискурсу. Показано нерелевантність параметрів, що забезпечують цілісність дискурсу лінійної структури, для виокремлення буденного дискурсу як самодостатнього феномену. Висловлено припущення про те, що проблема розділення та пошуку генералізуючих структур дискурсивних форматів (зокрема — буденного дискурсу) може бути вирішеною через звертання до нелінійних способів організації дискурсивного простору.

Ключові слова: *дискурсивний формат, дискурс лінійної структури, генералізуючі структури дискурсу, буденний дискурс.*

Кардашова Е. В. Обыденный дискурс как предмет научного осмысления. Настоящая публикация посвящена проблеме разграничения различных дискурсивных форматов и поиску оснований для выделения обыденного дискурса в качестве самостоятельного дискурсивного формата. В статье рассмотрены представления о дискурсе как о линейной структуре / линейном процессе и последовательно проанализированы параметры, организующие целостность подобного рода феноменов: единство производителей дискурса, единство времени и места, тема дискурса, суперструктура дискурса. Показана нерелевантность параметров, обеспечивающих целостность дискурса линейной структуры, для выделения обыденного дискурса как самодостаточного феномена. Высказано предположение о том, что проблема разделения и поиска генерализующих структур дискурсивных форматов (в частности — обыденного дискурса) может быть решена посредством обращения к нелинейным способам организации дискурсивного пространства.

Ключевые слова: *дискурсивный формат, дискурс линейной структуры, генерализующие структуры дискурса, обыденный дискурс.*

Kardashova O. V. Common discourse as an object of scientific comprehension. A publication deals with the problem of differentiation of various discursive formats and search the grounds for allocation of common discourse as an independent discursive format. The article describes the conception of discourse as a linear structure/linear process and subsequently analyzed parameters, which are organizing the integrity of such kind of phenomena: the unity of discourse producers, the unity of time and place, the theme of the discourse, discourse superstructure. It is shown the irrelevant parameters, which ensure the integrity of the linear structure of discourse, to highlight the common discourse as a self-contained phenomenon. Suggested that the problem of separation and search of general structures of discursive formats (in particular — of common discourse) can be solved by referring to the non-linear ways of organizing of discursive space.

Keywords: *discursive format, discourse as a linear structure, general structures of discourse, common discourse.*

В научной литературе дифференциация дискурсивных форматов нередко принимается априори, как нечто само собой разумеющееся, поэтому без особого труда можно воссоздать дискурсивную парадигму, членом которой выступал бы «обыденный дискурс». Представим некую самую общую «типологию», которая могла бы включить обыденный дискурс в качестве элемента, «равновеликого» другим элементам парадигмы и соотносенного с ними: ОБЫДЕННЫЙ ДИСКУРС VS НАУЧНЫЙ дискурс; ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ (поэтический, фикциональный); ПОЛИТИЧЕСКИЙ; МЕДИЙНЫЙ; ОФИЦИАЛЬНЫЙ; РЕЛИГИОЗНЫЙ; ФИЛОСОФСКИЙ дискурсы.

Подобная «типология» открыта для продолжения и, несомненно, интуитивна, тем более что в научной практике выделение различных «типов» дискурса осуществляется, как правило, по

аналогии с перечнем общественных институтов (наука, религия, политика, СМИ) и с функциональными стилями (научный, публицистический, официальный), или же в соответствии с представлениями о существовании видов сознания (обыденное, художественное, научное). О разных дискурсах нередко говорят как о неких «преданных сущностях», «естественных объектах», для квалификации которых не требуются какие-либо онтологические основания. Такой же «преданной сущностью» может оказаться и обыденный дискурс (далее по тексту — ОД), если только в качестве отдельной и самоценной задачи не ставить вопрос о его онтологических основаниях. Наличие подобных онтологических оснований можно предположить для всех типов дискурса. В попытке выделить интегральные онтологические признаки дискурса рассмотрим наиболее распростра-

ненные определения и связанные с ними содержательные интерпретации соответствующего понятия, сформированные в рамках разных научных парадигм. Основные подходы к определению этого понятия рассмотрим в корреляции со смежными понятиями ТЕКСТА, РЕЧИ, ДИАЛОГА.

Один из подходов к изучению дискурса (назовем его условно «структурным») представляет дискурс как упорядоченное множество элементов (предложений или словосочетаний) и как некую структуру, устанавливающую связи между целым и его частями¹⁹. Понятый таким образом дискурс практически отождествляется с текстом: не случайно в понятийном плане дискурсивные исследования коррелируют с теорией и практикой лингвистики текста (см. напр. [1], [5]).

В отличие от «структурного» подхода, функционально ориентированные исследования рассматривают дискурс как коммуникативное взаимодействие (интеракцию), «речь (в частности, текст) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора» [3; 32]. Интерактивный подход актуализирует такие свойства дискурса, как процессуальность, событийность, диалогичность. В такой трактовке «дискурс как процесс» отождествляется с актом коммуникации, связывается с коммуникативным событием и противопоставляется «тексту как структуре» по ряду оппозиционных признаков: динамичность — статичность, процесс — результат, монологичность — диалогичность и др.

Наконец, известен подход к дискурсу как всякому употреблению языка, позволяющий объединить в понятие «дискурс» признаки и процесса, и результата акта коммуникации²⁰. В дихотомии «язык — речь» понятый таким образом дискурс занимает место «речи» и выступает как родовое понятие по отношению к терминам «диалог» и «текст». Взгляд на дискурс как на «процесс-структуру» преодолевает такие оппозиции, как процессуальность — статичность, диалогичность — монологичность, устная — письменная форма, а члены этих дихотомий рассматриваются как аспекты дискурса. Внимание исследователей в рамках такого подхода сосредоточено на параметрах, обеспечивающих связность и целостность дискурса и на уровне «готовой» структуры, и на уровне разворачивающегося, длящегося коммуникативного события.

¹⁹ Такое понимание сущности дискурса отсылает исследователя к вопросам о природе его целостности, связности, о характере отношений между его элементами. Поскольку дискурс осмысливается как многоуровневая структура, предметом исследования становятся: иерархия связей в дискурсе, процедуры выделения элементарных, локальных структур, структур более высоких уровней, которые в свою очередь интегрированы в макроструктуру.

²⁰ Ср.: «Понятие «дискурс» понимается как единство двух сущностей — процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т. е. текста. Благодаря такому двуединству дискурс можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект. "Дискурс" — это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка» [4; 3].

Сравнение приведенных выше определений дискурса выявляет нечто общее. Как бы ни был представлен дискурс — как структура «большее предложение», текст, совершающееся коммуникативное событие — он осмысливается как линейная структура / линейный процесс.

Линейная организация дискурса обуславливает, в частности, такие его свойства, как дискретность и длительность, дополняющие друг друга. Так, любой дискурс линейной структуры (ДЛС) может быть разделен на части (предложения, абзацы, разделы, параграфы текста; отдельные реплики и группы реплик в диалоге). В то же время он представляет собой и некоторую длительность, организованную синтагматическими связями между его фрагментами, поэтому для определения ДЛС так важны понятия последовательности, связности, соотношенности частей и целого и т.п.

Конститутивные признаки целостности, преодолевающие дискретность ДЛС, связаны как со структурными, так и с коммуникативными планами дискурса. Целостность ДЛС, благодаря которой он может быть рассмотрен как конкретный, отдельно взятый и самостоятельный объект, обеспечивается набором определенных признаков (параметров), к числу которых относятся:

- единство производителей ДЛС;
- единство времени и места производства ДЛС;
- формально-грамматическая, лексическая, логическая, семантико-прагматическая «связанность» ДЛС;
- тема ДЛС;
- суперструктура: жанрово-композиционная целостность ДЛС.

Однако параметры, обеспечивающие целостность дискурса линейной структуры, оказываются нерелевантными для выделения обыденного дискурса как самостоятельного феномена. Покажем это на возможности конкретного приложения параметров целостности дискурса линейного типа к представлениям об обыденном дискурсе и в отдельных случаях — к другим дискурсивным форматам.

Проверяем параметр «участники коммуникативного события». Человек участвует в ДЛС как языковая личность (далее — ЯЛ). Под ЯЛ подразумевается личность, человек с точки зрения его участия в речевой деятельности. Можем ли мы соотносить обыденный дискурс с некоей «типовой», или модельной ЯЛ, представив его как взаимодействие говорящих — «обывателей»? Как представляется, типовая ЯЛ не может быть исчерпывающим определением, релевантным для всех аспектов речевой деятельности человека. Даже если «параметры» говорящего соответствуют требованиям модельной ЯЛ, это соответствие будет неполным, позволяющим предсказать ход коммуникативных событий лишь с некоторой долей вероятности. Маловероятно также, что человек как типовая ЯЛ способен участвовать толь-

ко в одном типе дискурса²¹. Производство же обыденного дискурса доступно буквально каждому, следовательно, мы не можем привязать обыденный дискурс исключительно к «обывателю».

Параметр «время и место» также оказывается нерелевантным. Основываясь лишь на конкретных пространственно-временных координатах коммуникативного события, трудно предсказать формат дискурса. Для социального взаимодействия важен в первую очередь особый — социальный, коммуникативный — континуум, символически преобразованная «среда». Существуют некие нефизические, интерактивно значимые локусы, которые выдвигают определенные требования к формату дискурса. «Предустановки» социального «локуса» заставляют участников диалога чутко улавливать несоответствие разворачивающегося коммуникативного события «обстановке», чувствовать его буквальную «неуместность» в случае, когда требования места не соблюдаются (напр., в церкви не принято говорить о бытовых проблемах). Однако сам факт того, что такого рода несоответствия возможны, что они регулярны, разрушает связь «локуса» и дискурса, делает ее необязательной и не определяющей. Так, ОД может быть инициирован практически при любых обстоятельствах, в любом «месте»: в университетской аудитории или на политическом ток-шоу. «Локусы», с которыми ассоциирован ОД (кухня ли, гостиная, скамейка перед подъездом, очередь в магазине или поликлинике), могут быть открытыми и для любых других типов дискурса (ср., напр., характерные для русской / советской лингвокультуры разговоры «на кухне», которые могут представлять собой и обыденный, и научный, и «интеллигентский» дискурс).

²¹ Один и тот же человек, один и тот же говорящий может участвовать в интеракции в разных качествах, занимая разные дискурсивные позиции, разыгрывая разные дискурсивные роли. Эти роли могут быть вербализованы (*я говорю как преподаватель, как друг, как специалист*), соответствующие ролям интенции могут не поддаваться формулировке, быть неясными, могут даже не осознаваться. Ср. также: «<...> как просвещенный лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определенным почтением как к яркому языковому и культурному явлению, а вот как, чего уж там говорить, обыватель мат не люблю и, грубо говоря, не уважаю. Вот такая получается диалектика. Следует сразу сказать, что, называя себя обывателем, я не имею в виду ничего дурного. Я называю себя так просто потому, что защищаю свои личные взгляды, вкусы, привычки и интересы. При этом у меня, безусловно, есть два положительных свойства, которыми, к сожалению, не всякий обыватель обладает. Во-первых, я не агрессивен (я — не воинствующий обыватель), что в данном конкретном случае означает следующее: я не стремлюсь запретить все, что мне не нравится, я просто хочу иметь возможность выражать свое отношение, в том числе и отрицательное, не имея в виду никаких дальнейших репрессий или даже просто законов. Во-вторых, я — образованный обыватель, или, если еще снизить пафос, грамотный, то есть владею литературным языком, его нормами и уважаю их. А если, наоборот, пафосу добавить, то получится, что я своего рода просвещенный обыватель. Вообще, как любой обыватель, я больше всего ценю спокойствие и постоянство. А резких и быстрых изменений, наоборот, боюсь и не люблю» [М. Кронгауз].

В свою очередь институциональность как соотнесенность дискурсивного формата с социальными институтами, осуществляющими производство дискурса и контроль над ним, также не является универсальным принципом, определяющим сущность дискурса того или иного типа²². Что касается обыденного дискурса, то его «сферой производства» является повседневность как упорядоченная форма общественной практики. Повседневность же является наименее институционализированной областью человеческой жизни: регламент повседневной коммуникации хоть и существует на уровне знания о ее основных речевых жанрах, не зафиксирован и не строг, а ее «легитимирующим органом» являются все ее участники, «широкая общественность», «люди». Не представляется возможным связать также повседневную коммуникацию (как такую, которая осуществляется регулярно в стереотипных интеракциях) и обыденный дискурс — коммуникативное пространство полидискурсивно, в пределах одной интеракции говорящие могут участвовать в дискурсах разных типов.

Не является надежным и принцип разделения дискурсов на основе темы. Само по себе тематическое единство не способно последовательно предсказывать тип дискурса. Можно допустить существование «сквозных», «ничьих» тем, которые лишь на какое-то ограниченное (но иногда довольно продолжительное) время присваиваются теми или иными дискурсами. Вряд ли будет правильным отождествить ОД с обсуждением частных, семейных, бытовых проблем. Обыденный дискурс может предполагать и разговоры о политике (чем тогда он отличается от политического дискурса?), о нашумевших научных открытиях (от научного дискурса?), буквально «обо всем» — трудно представить себе нечто, что рано или поздно не могло бы стать предметом обсуждения в ОД. Тематический принцип разделения дискурсов не будет универсальным и для других дискурсивных форматов. Отдельную тему можно выделить только в дискурсе линейной структуры (сказать, «о чем этот конкретный текст», «о чем мы говорили»), но невозможно ответить на вопрос

²² Так, сам факт публикации статьи в научном сборнике не делает ее научной; кроме того, научный текст должен соответствовать не только формальным требованиям издания, но и некоторым «критериям научности». Последние же часто остаются неопределенными: несмотря на то, что компетентные сообщества не оставляют попыток выработать перечень таких критериев, вопрос о разграничении «науки» и «ненауки» или «псевдо-науки» остается открытым (см. напр. дискуссию «Наука и псевдонаука» в журнале «Антропологический форум», 2013, № 18 (http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2013_18/)). То же несоответствие мы наблюдаем и на примере медийного дискурса: институт СМИ не способен сам по себе контролировать его производство, определять для него правила и накладывать ограничения. Ошибочность представлений о медийном дискурсе как о совокупности текстов, размещаемых исключительно в СМИ, подтверждается появлением значительного числа средств дискурсивного производства, которые, не являясь официальными медиа, способствуют порождению медийного дискурса: блоги, форумы, интернет-сообщества, социальные сети и т.п.

«о чем говорят в обыденном дискурсе, в медийном, в философском?» Ответ будет «обо всем», и он справедлив для всех типов дискурса²³.

Допустим, что каждому типу дискурса соответствует некоторая суперструктура — совокупность характерных для него жанров. Так, научному дискурсу соответствуют научные жанры (статья, диссертация, рецензия, доклад, обсуждение доклада), религиозному дискурсу — религиозные (молитва, житие, литургия, проповедь), официально-деловому дискурсу — официально-деловые (протокол, служебная записка, инструкция, распоряжение, во всех случаях этот список конечен. Но в случае ОД жанровое измерение вызывает определенные трудности: список жанров обыденного дискурса должен будет включить все многообразие разговоров, реплик и нарративов обыденной речи, вплоть до вопроса «Который час?». То же можно сказать и о композиционной организации ДЛС, общей «режиссуре» коммуникации. Кажется наиболее вероятным, что отношения жанрового и композиционного единства и типа дискурса определяются «неполным соответствием» и регулируются принципом дополнительности. То есть организация суперструктуры того или иного типа дискурса хотя коррелирует с параметрами его целостности, но не определяет их.

Общие организующие признаки с типом дискурса может иметь функциональный стиль²⁴, но для ОД не существует отдельного стиля. Мы не можем соотнести обыденный дискурс и разговорную речь (как функциональную разновидность): разговорная речь с ее лексическими и словообразовательными особенностями и специфической синтаксической организацией может характеризовать и другие типы дискурса. Определив ОД как «жанр + стиль», как «бытовой диалог», мы тем самым исключим разность позиций речевых субъектов — «обывателя» в ОД и «интеллекта»

²³ Об одном и том же можно говорить с разных позиций. Возьмем такую «бытовую» тему, как погода. Обсуждение погоды является «общим местом» не только английских (что общеизвестно), но и русских бытовых диалогов. Значит ли это, что разговор о погоде обязательно предполагает ОД? Вероятно, нет, так как о ней можно говорить с разных «точек зрения» и, соответственно, в разных дискурсах: тему погоды поддерживает гидролог, предсказывающий движение атмосферных фронтов; ведущий программы «Прогноз погоды»; поэт: «Мороз и солнце! День чудесный»... «Точка зрения», позиция, зафиксированная в дискурсе, а не его тема, становится определяющим дискурс признаком.

²⁴ На это обращает внимание О. В. Ревзина: «...единственной возможностью распознать разные коммуникативные ситуации для пользователя является сам язык, то есть способ репрезентации субъекта, адресата, «формации объектов», по которым различаются разные дискурсивные формации. Все вместе это называется стилем, и стилевая дифференциация дискурса имеет, таким образом, вполне очевидную прагматику. Один набор языковых репрезентантов представлен для субъекта и адресата в научном дискурсе и совершенно иной — в официально-деловом, в равной степени эти дискурсы различаются допустимым объемом информации о субъекте и адресате, и для пользователя дискурса это не только возможность распознавания типа вербального обмена, но и возможность собственного участия в той или иной дискурсивной формации» [6; 72].

в интеллигентском дискурсе, кроме того, такая трактовка делает сам термин «обыденный дискурс» избыточным по отношению к понятиям жанра и стиля.

В отличие от дискурсов, организованных линейными, синтагматическими связями, нелинейный дискурс обретает «целокупность» благодаря связям нелинейным, парадигматическим, непосредственно ненаблюдаемым, объединяющим элементы не в реальности, но в сознании. Присутствие этих связей обуславливает «сближение» высказываний в нелинейном дискурсе, возникновение неких скоплений, дискурсивных сообществ. Их целостность конституирована на уровне семантики высказывания, на уровне (транс)формирующихся в нем смыслов и когнитивных структур — на уровне сознания. Как кажется, именно подобными дискурсивными сообществами и являются искомые нами феномены — дискурсивные форматы: «научный дискурс», «медийный дискурс», «обыденный дискурс».

Изложенное позволяет сделать такие **выводы**:

1. Рассмотренные параметры целостности дискурса как линейной структуры не могут служить основой внутренней целостности обыденного дискурса: ОД не тождественен ни повседневной коммуникации, ни неформальному общению, ни бытовому диалогу, ни речи обывателя (как человека определенного социально-психологического типа). По отношению к понятию «разговорная речь» (дискурс — функциональный стиль), «повседневная коммуникация» (дискурс — характер коммуникации // тип речевой деятельности), жанр (дискурс — жанровая принадлежность и жанровая структура) понятие ОД становится избыточным.

2. Вопрос о содержании понятия ДИСКУРС (применительно к дискурсивному формату) требует принципиально иного измерения, отличного от толкования дискурса как линейно разворачивающегося, конкретного процесса / результата акта коммуникации. Этим иным измерением может стать понимание дискурса как некой «совокупности» всего когда-либо высказанного или написанного, как коллективного языкового опыта, как стихии «принадлежащей всем» речи и согласующееся с ним представление о нелинейном дискурсе²⁵.

3. Благодаря нелинейным, парадигматическим, непосредственно ненаблюдаемым связям, объединяющим элементы не в реальности, но в сознании, нелинейный дискурс обретает «целокупность». Присутствие этих связей обуславливает «сближение» высказываний в нелинейном дискурсе, возникновение неких скоплений, дискурсивных сообществ. Их целостность конституиро-

²⁵ Представления о дискурсе как нелинейной структуре находим в рассуждениях М. Фуко [8], Б. М. Гаспарова [2], О. Г. Ревзиной [7].

вана на уровне семантики высказывания, на уровне (транс)формирующихся в нем смыслов и когнитивных структур. В качестве подобных дискур-

сивных структур могут быть рассмотрены дискурсивные форматы: «научный дискурс», «медийный дискурс», «обыденный дискурс».

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. / И. Р. Гальперин. — М. : Прогресс, 1981. — 180 с.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
3. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. — N 3. — С. 32—43.
4. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания — N 2, 2009. — С. 3—21.
5. Москальская О. И. Грамматика текста. / О. И. Москальская. — М. : Прогресс, 1981. — 187 с.
6. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. — Вып. 8. — Новосибирск, 2005. — С. 66—78.
7. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. — Сер. 9. Филология. — 1999. — № 1. — С. 25—33.
8. Фуко М. Порядок дискурса. / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. — М. : Касталь, 1996 — С. 47—97.